

ПОРТРЕТ ЧЕЛОВЕКА НА ФОНЕ ИСТОРИИ*

На основании мемуаров и наблюдений коллег освещаются страницы биографии одного из учредителей Вандомского археологического общества Жерве Лонэ.

Учитель, художник, любитель и защитник старины, общественный деятель, благотворитель, театрал, наконец, путешественник, в наступавший век железных дорог объездивший почти половину Европы - в каких только качествах не предстает перед нами герой этого биографического очерка, скромный житель провинциального французского городка. Городка с бодрым именем, звучащим сегодня не столько протяжным рефреном старинного карильона “Ван-дом, Ван-дом”, сколько

синонимом парижской роскоши и шика и гулкой памятью парижских мостовых: place Vendome, Вандомская колонна.

Франсуа Жерве Лонэ явился на свет в восьми с половиной лет - впрочем, во Франции тогда уже мерили в километрах, стало быть, в 19-ти километрах от Вандома, в год издания Кодекса Наполеона, в последний год консульства. В тот самый час в столице шли спешные приготовления к назначенной на 2 декабря коронации, а папский кортеж уже катил, приближаясь к Парижу, где-то по дорогам Бургундии. И краткой жизни бы хватило, чтобы вместить череду ждавших впереди политических катаклизмов и перемен. Но жизнь маленькому Франсуа Жерве была отмерена долгая...

Биография, которую пишет время и, разумеется, сам человек. Сегодня уже нет нужды доказывать тот факт, что биография частного лица, человека самого

“обыкновенного” часто выходит гораздо увлекательнее жизнеописания иной знаменитости или государственного мужа и раскрывает много ярче и полней образ страны, нации, эпохи. Надо только уметь ее рассказать.

И с рассказчиком нам в данном случае как раз повезло.

Перевод, вступительная статья и комментарий *Александра Гордина*

И. Э. Ренуар. Портрет Жерве Лонэ.
Карандаш. 1888. С фототипии Ж. Ивона

* Публикация подготовлена при любезном содействии секретаря Вандомского Археологического Общества госпожи Вивиан Ласлен и библиотекаря Общества господина Жака де Бурдонкль де Сен Сальви. Иллюстрации 3, 4, 6 и 7 воспроизводятся с разрешения Вандомской городской библиотеки.

Гордин Александр - научный сотрудник Государственного Эрмитажа.

***ОЧЕРК БИОГРАФИИ Г-НА ЖЕРВЕ ЛОНЭ,
бывшего учителя рисования Вандомского Лицея
Г-на Э. Нуэля****

Несколько лет назад, войдя в ту нижнюю залу, где наш досточтимый коллега провел столь много времени в конце своей жизни, я нашел его привычно сидящим за рабочим столом, вдвинутым в проем большого окна; казалось, он был сильно занят тем, что писал карандашом на листках бумаги. “Я сейчас пишу небольшое резюме моей жизни; вы найдете его в этой папке”, - сказал он мне с дружеской, полной намека, улыбкой. Я ответил несколькими сдержанными словами одобрения, и разговор наш перешел на другие темы.

Позднее, когда возраст и недуги уже не позволяли ему покидать спальню, всего лишь несколько месяцев тому назад, однажды, когда мы были одни, он сказал мне: “искали ли Вы на моем столе ту папку, куда я положил заметки?”. Я тотчас спустился и в самом деле нашел драгоценный альбом, содержащий вместе с официальными бумагами его *curriculum vitae*. Увидев его, он сказал: “это он и есть, возьмите его себе”.

Сие-то дружеское завещание я и намерен ныне исполнить, очертив перед вами главные этапы этой долгой и почтенной жизни и сделав попытку набросать портрет одного из главных основателей нашего Археологического Общества. Благодаря маленькой папке с заметками этот труд, за неимением иных достоинств, будет все же точен; рамки его намечены самим героем; мне остается только их заполнить.

Франсуа Жерве Лонэ родился 22 ноября 1804 года в Монтуаре, где родители его, люди очень скромного звания, занимались мелкой торговлей. Четырех лет он пошел в школу, к Г-ну Суше, чья весьма образованная дочь знала латынь и взялась обучить ее начаткам юного Лонэ, когда тому было семь лет***.

Она подготовила его к поступлению в четвертый класс, к Г-ну Шантлу, содержанию пансиона, в Вандоме; 26 октября 1816 года, едва имея 12 лет от роду и будучи самым юным в классе, он успешно выдерживает здесь экзамен. В октябре 1817 года он поступает в Вандомский коллеж в качестве

*Notice biographique sur M. Gervais Launay, ancien professeur de dessin au lycée de Vendôme. Par M. E. Nouel // Bulletin de la Société Archeologique, Scientifique et Littéraire du Vendomois. T. XXX. 1891. P. 184-215 (существует также в виде отдельного оттиска).

**Мы рады возможности предварить этот очерк замечательным при сем прилагаемым портретом, вышедшим из-под ловкого карандаша художника, Г-на Эж. Ренуара, преемника Г-на Лонэ в лицее. Оригинал, много большего формата, фигурировал в салоне 1889 года под n° 3, 768.

Он представляет Г-на Лонэ на 85-м году его жизни; сходство разительное. Этот рисунок был уменьшен с помощью фотографии и напечатан фототипическим способом заботами Г-на Ивона в Вандоме.

***Мль Виржини Суше впоследствии вышла замуж в Монтуаре за Г-на Бело, аптекаря, и была матерью ученого Эмиля Бело, ставшего профессором истории Лионского университета и членом-корреспондентом Академии политических и нравственных наук. Он умер в Лионе 30 сентября 1886 года.

экстерна, находящегося под опекой пансиона Шантлу, в третий класс, где насчитывалось 50 учеников. Сочтенный [однако] слишком юным для плодотворного обучения в старших классах, он вновь отправлен во второй и, наконец, оканчивает класс Риторики в 1821 году, не достигнув еще и 17-летия.

Вкус к рисованию уже взял верх над занятиями классическими науками, и по этой части он делал быстрые успехи. Он не стал продолжать свое учение и вернулся в Монтуар, чтобы работать там вместе с дедом, строительным подрядчиком. Занятие техническим и прочим рисованием поглотило его почти всецело.

В 1823 году он возвращается в Вандом работать у своего дяди Одере, архитектора, который на следующий год доверяет ему надзор за работами, которые тот выполнял в Шампиньи для Г-на Дессэня, и следом за тем другие работы в городе Вандоме.

Казалось уже, что ему уготовано стать здесь архитектором, в чем он определенно бы преуспел, когда Г-н Марешаль-сын, только что наследовавший ГГ.Марешалю и Дессэню в заведовании Вандомским Коллежем, тогда - в апогее своего расцвета, угадал в прилежном молодом человеке преподавательские задатки и склонил его поступить в Коллеж, для начала в качестве репетитора. Так, в октябре месяце 1826 года Г-н Лонэ, 22-х лет от роду, приступил к своим обязанностям [классного] надзирателя; одновременно ему были поручен небольшой курс рисунка. На протяжении 50 лет он будет преподавать рисунок в одном и том же учебном заведении.

Я нахожу в его заметках, под этой датой, трогательное выражение признательности своему Директору, который сумел наставить его на путь и на этом пути поддержать. Эти изъявления благодарности к различным лицам, помогавшим ему шаг за шагом подниматься по ступеням жизни или принимавшим его в свое общество, неоднократно встречаются в этих начертанных восьмидесятилетней рукой заметках; признательность в самом деле была одним из счастливых качеств этого очаровательного ума, обладавшего умением принимать услуги, не стесняясь обязательствами, которые они влекут; он платил тем же, в свой черед, оказывая [какую-нибудь] услугу. Кроме того, ему было присуще высокое чувство иерархических отношений в обществе, и он никогда не мог свыкнуться с тем ложным равенством, истинное имя которому есть *зависть*, и которое состоит в том, чтобы унижать и насильно уравнивать.

Одновременно он давал уроки математики, что приносило ему дополнительный заработок и позволяло в 1828 году отправляться на время вакаций в Париж, чтобы брать уроки живописи в мастерской Лемерсье. На следующий год (1829) мэром города, Г-н Марешаль-отец, поручил ему курс рисунка, арифметики и прикладной геометрии для рабочих Вандома*.

*Вандомская библиотека располагает экземпляром афиши с Уставом Вандомской школы технического рисования, торжественно открытой 2 ноября 1829 года. Афиша оканчивается такими словами: Утверждено нами, Мэром Вандома, кавалером Ордена Почетного легиона. - Вандом, 1 сентября 1829 года. М А Р Е Ш А Л Ь.

Узнаем в этой программе организаторский ум одного из устроителей Вандомского коллежа. Учреждение этих курсов было одним из последних деяний просвещенного правления Г-на Марешаля, который покинувшего пост мэра в октябре того же года.

Занятия велись по вечерам, четыре раза в неделю. Отсюда видно, что высшее начальное образование отнюдь не недавнее изобретение и имеет свою историю. Дата "1829 год" делает честь городу Вандому, который, в своем попечении об образовании рабочих, сумел опередить то либеральное веяние, слегка корыстное, что пришло с Революцией 1830 года и продиктовало Гизо его прекрасные законы о начальном образовании.

Никто не был лучше подготовлен к подобного рода преподавательской работе, чем наш молодой учитель. Его предшествующие занятия техническим рисунком, архитектурой и элементарной математикой позволили ему наладить преподавание, образца которому он подле себя не находил. Сделав сам себя в одиночку, он был способен создавать также других по своему подобию; он обладал, одним словом, трудным искусством обучать, весьма отличным от образованности, каковую многие могут снискать, не достигая при этом способности передавать свои знания другим. Прибавьте к этому большой авторитет у учеников, и вы поймете успех этих курсов, действовавших в Вандоме с 1829 по 1852 год. Он воспитал таким образом множество учеников, из коих многие стали превосходными начальниками работ в различных родах деятельности. Кое-кто, выбившись в люди, стал искусным художником; таковы Г-н Т.Дорио, чья гипсовая аллегорическая фигура, олицетворяющая город Вандом, имеется у нас в Музее, и особенно Г-н Ирвуа, ныне директор училища скульптуры в Гренобле, которому мы обязаны прекрасной статуей Ронсара, украшающей музейный двор^{1*}.

Годы, следующие за 1829-м, проходят в пылу работы. Молодой художник продолжает проводить вакации в Париже, в мастерских Гро и Дюбюфа².

По возвращении с вакаций 1831 года** избыток непрерывной работы в течение нескольких лет вызвал у него начало *гастрита*, который сыграет в его образе жизни и его будущем огромную роль.

Всякий из нас, в той или иной мере, *функция* своего желудка; этот орган наряду с мозгом составляет один из двух противоположных, но солидарных полюсов нашего существа. Бравируя сиим первым предостережением Природы, Г-н Лонэ продолжает в 1832 году свои преподавательские труды и занятия рисунком и [даже] принимается за картину "Интерьер Галереи Гробниц", которую прочит на ближайший салон. Холера 1832 года уберегает его от тягот очередной вакационной сессии в Париже, и по совету одного парижского доктора он лечит свой гастрит следующим манером: нанимает в Вандоме лошадь и кабриолет и уезжает проводить вакации в семейном кругу в Монтуаре. Каждый день, после легкого завтрака, скромный экипаж ожидал его у дверей; садясь в него, он отправлялся в одиночку выгуливать то там, то сям свой гастрит; во время этих гигиенических прогулок пробудился его археологический инстинкт; альбом всегда был при нем, и вместе с почти исправным пищеварением он привозил зарисовки древних памятников, коими столь щедро наделен сей край.

*Мы обязаны благодарному таланту Г-на Ирвуа медальоном Г-на Лонэ, датированным 1849 годом и выставленным ныне в Музее.

**Из этой трудовой кампании он вывез несколько копий женских портретов, сделанных у Дюбюфа, которыми мы часто любовались у него в гостиной.

Год 1833-й плодovit для него на события. Его картина "Интерьер Галереи Гробниц" принята и хорошо помещена в Лувре, где проводилась тогда ежегодная выставка живописи. Соседство шедевров старых мастеров, без сомнения, делало для жюри отбор работ более трудным, так что быть выставленным было делом нешуточным. На Пасху он едет в Париж посетить эту выставку, которая, говорит он в своих заметках, показалась ему очень хороша*. Надо заметить, что в 1832 году, по причине холеры, годовой выставки не было, и что следственно салон 1833 года представлял избранное из двойного урожая; тем более почетно было в нем участвовать**.

На вакации его посылают на воды Мон-Дура³ лечить гастрит; он возвращается оттуда с набросками, не получив, однако, желаемого улучшения своего здоровья***.

В этом же самом году, согласно его заметкам (месяца и числа он не уточняет), он ездил в Тур получить консультацию у прославленного Д-ра Бретонно. Людям поколения 1830-х еще памятна легендарная слава этого знаменитого туренского медика, равного самым именитым мэтрам столицы, отклонившего самые блистательные предложения, с тем чтобы остаться в Саду Франции⁴. Известно, что он питал большое недоверие к медицине и заявлял, что, соблюдая гигиену и хороший уход, можно обойтись без докторов. Как бы то ни было, внимательно осмотрев своего молодого пациента и без сомнения признав, что его состояние проистекает единственно от мозгового переутомления, которое сказалось на желудке, он дал ему следующее предписание, которое Г-н Лонэ любил повторять своим друзьям, главным образом, когда видел их, подобно себе, достигнутых недугом: "Паче всего избегайте медицины и врачей, как чумы; не пользуйтесь никакими лекарствами; будьте сами себе врачом; предоставьте вашему желудку руководить вами; давайте ему то, что он просит с умеренностью; варьируйте блюда, следуя вашим вкусам; совершайте моцион, трудитесь без чрезмерности и плюйте на медицину".

На следующий год (1834-й) сей пресловутый гастрит едва не кончился трагически по вине больного. Г-н Лонэ, нисколько не преуменьшив свои труды, что было действительно трудно [сделать] учителю, рабу своих обязанностей, каковым он был, и чувствуя, что болезнь его продолжается, совершил изрядную оплошность, послушав совета одного из своих коллег, который нахваливал ему чудодейственные эффекты одного шарлатанского средства, бывшего тогда в большой моде, пресловутого *лекарства Леруа*, от которого ему самому, говорил он, стало много лучше.

"Нет ничего опаснее невежественного друга!"

В сентябре месяце он водворяется подле своей матери в Монтуаре,

*Как исключение, салон, обычно открывавшийся 1 мая, открылся в 1833 году 1 марта.

**Эта картина, по желанию Г-на Лонэ, находится ныне в Вандомском музее⁵. Г-н Ренуар дал нам ее интересное описание и ученую оценку в книжке Бюллетеня за апрель месяц с. г.

***Выбор этой водолечебницы обнаруживает большое врачебное невежество; термальные воды Мон-Дора действительны при заболеваниях гортани и легких, но отнюдь не при болезнях желудка. Тех, кто им страдает, сегодня направляют в Виши. Г-н Лонэ, получив [в другой раз] более верный совет, провел там сезон на вакациях 1854 года.

чтобы испытать это ужасное снадобье, настоящую “лошадиную дозу”, что, по известному выражению сельского люда, позволяла *опорожниться или отрыгнуть*; иными словами, нужно было победить или умереть. Нетрудно угадать губительное действие подобного слабительного на желудок и кишечник; посему Г-н Лонэ признается в своих заметках, что это средство, полностью расстроив его пищеварение, ввергло его в состояние такой слабости, что он полагал себе при смерти и что его спас лишь заботливый уход за ним всех его домашних. Доктор Бретонно, рекомендуя ему избегать врачей, забыл добавить “и шарлатанов”, которые, между тем, гораздо страшней.

Эта оплошность, которую мы относим на счет его приятельного и слишком доверчивого ума, стоила ему нескольких лет страданий; между тем, у него достало энергии не прервать свои многочисленные занятия, и, отложив попечение о здоровье, он мало-помалу восстановил свое пищеварение и силы. Мы видим его проводящим вакации 1835 и 1836 годов в Монтуаре и окрестностях, где его принимают семьи Фатон, Бюсон и де Тремо, чьи заботы способствовали его выздоровлению. Я нахожу в его заметках, писанных пятьдесят лет спустя, выражение признательности [этим людям]; одна из его старинных подруг может еще сегодня принять его эхо*.

Чтобы закончить историю этого знаменитого гастрита, следы которого мало-помалу стерлись, добавлю, что именно ему Г-н Лонэ был впоследствии обязан своим отменным здоровьем, долгой жизнью и отсутствием всякого недуга. Принужденный своим нравственным и физическим темпераментом к максимальной воздержанности, не предаваясь никаким излишествам, будучи постоянно занят и при том сообразно своим вкусам, много времени уделяя ходьбе, постоянно соблюдая режим, он оказался в лучших мыслимых гигиенических условиях, и болезнь, которая есть всего лишь порождение человека излишне цивилизованного, никогда не могла взять над ним верх. Эта же диспепсия дала нам еще и путешественника, экскурсанта и археолога, чей неутомимый карандаш собрал в течение полувека столь богатую жатву.

Та же болезнь лишила нас заурядного, по-видимому, живописца. Он должен был прекратить поездки в Париж для работы в мастерских; но и того, чему он уже научился, ему хватало, чтобы [самому] давать уроки начинающим. Он основал у себя мастерскую, где перед ним прошло множество учеников. Он имел честь руководить первыми шагами Ш. Бюсона, большого художника [родом] из Монтуара, жившего при нем в качестве пансионера**.

*Мадам де Тремо, 97-ми лет.

**Во время вакаций 1841 года он исколесил со своим учеником пять департаментов Бретани, откуда тот и другой привезли обильный урожай рисунков. Г-н Бюсон навсегда сохранил живейшую признательность своему бывшему мэтру. Мне было дано присутствовать при его последнем визите к Г-ну Лонэ, 24 сентября 1890 года. Возвращаясь в Монтуар, Г-н Бюсон не пожелал проехать через Вандом, не пожав руки своему старому учителю, чувствовавшему себя воодушевленным воспоминаниями молодости, которым они вместе предались. Я был тронут той теплою взаимною дружбою, что переполняла их беседу.

Зато Г-н Лонэ стал непревзойденным рисовальщиком памятников. Перспективное построение общей композиции, точность в деталях, археологическая ученость в отношении стиля, тонкое и без недомолвок исполнение, - ни в чем нет недостатка в его рисунках, столь драгоценных для архитектурной истории края. Первые годы он старается употребить свои навыки в живописи и акварели; но цвет не играет почти никакой роли в памятниках, и часто скрывает от глаз архитектурные детали; поэтому он вскоре приходит к рисунку одним лишь пером и тушью, с несколькими тоновыми отмывками*. Его дивной остроты глаз и безукоризненной верности рука произвели в этом жанре истинные шедевры, которые столь безукоризненно подражают лучшим гравюрам, что люди часто колеблются относительно техники исполнения рисунка, находящегося у них перед глазами.

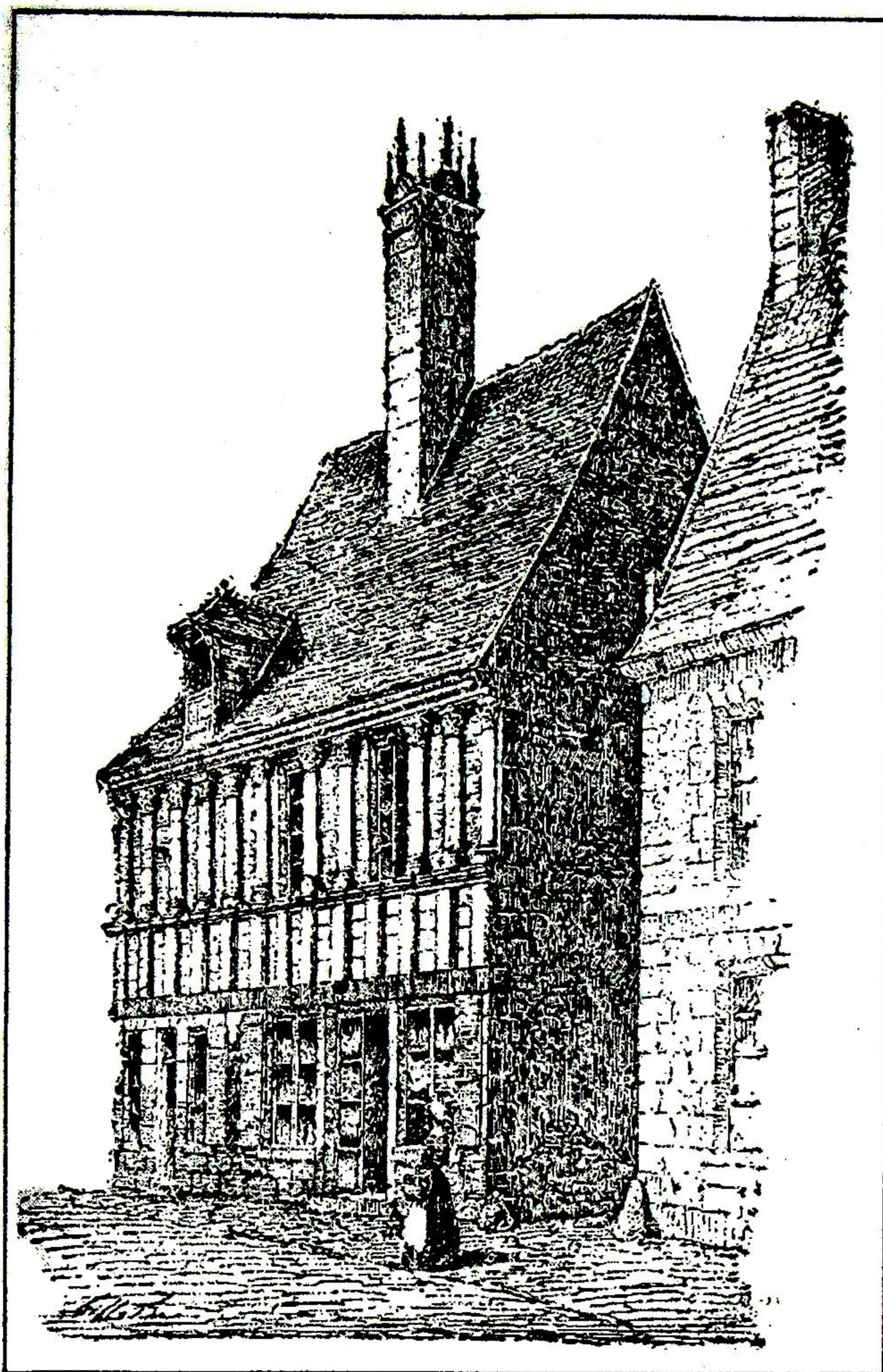
Это возвращает нас к монументальной археологии, которая была главным занятием его жизни вне обязанностей службы. Именно эту сторону фигуры Г-на Лонэ мне хотелось бы попытаться особенно высветить в этом очерке, адресованном членам Археологического Общества, которое он основал.

Мы [уже] рассказывали выше, как с 1832 года он занялся монументальной археологией, дабы употребить с пользой свои гигиенические прогулки. Ветер дул в эту сторону; под влиянием таких министров, как Гизо, Вильмен, Кузен⁶, исторические исследования переживали во Франции большой подъем. В Париже основан был *Исторический Комитет Искусств и Памятников* (1838) с целью поощрить по всей Франции поиск исторических документов, описание и сбережение древних памятников и проч. Комитет этот назначал в каждом департаменте корреспондентов для сбора материалов. В Вандоме, который благодаря своему славному прошлому и старинному коллежу⁷ всегда был очагом интеллектуальной жизни в провинции, имелся тогда один ученый муж, Д-р Арсен Жандрон, врач лечебницы и коллежа, член-корреспондент Медицинской Академии, который находил время для занятий разного рода научными изысканиями (естественная история, археология и проч.)**. Он был первым корреспондентом Министерства по Вандомуа. Именно он поощрял молодого Лонэ и оказывал ему покровительство, отсылая в Комитет его сочинения и рисунки. Вот первое упоминание, какое я нахожу об этих посылках. В Бюллетене Комитета, сессия 1840 года, заседание 22 апреля, стр. 202, читаем: "Г-н Жандрон, корреспондент в Вандоме, передает записку о капелле Сен-Жиль, в Монтуаре, составленную Г-м Лонэ, учителем рисования Вандомского коллежа... Г-н Лонэ сопроводил свою записку рисунками..." Статья заканчивается следующей фразой: "Имя

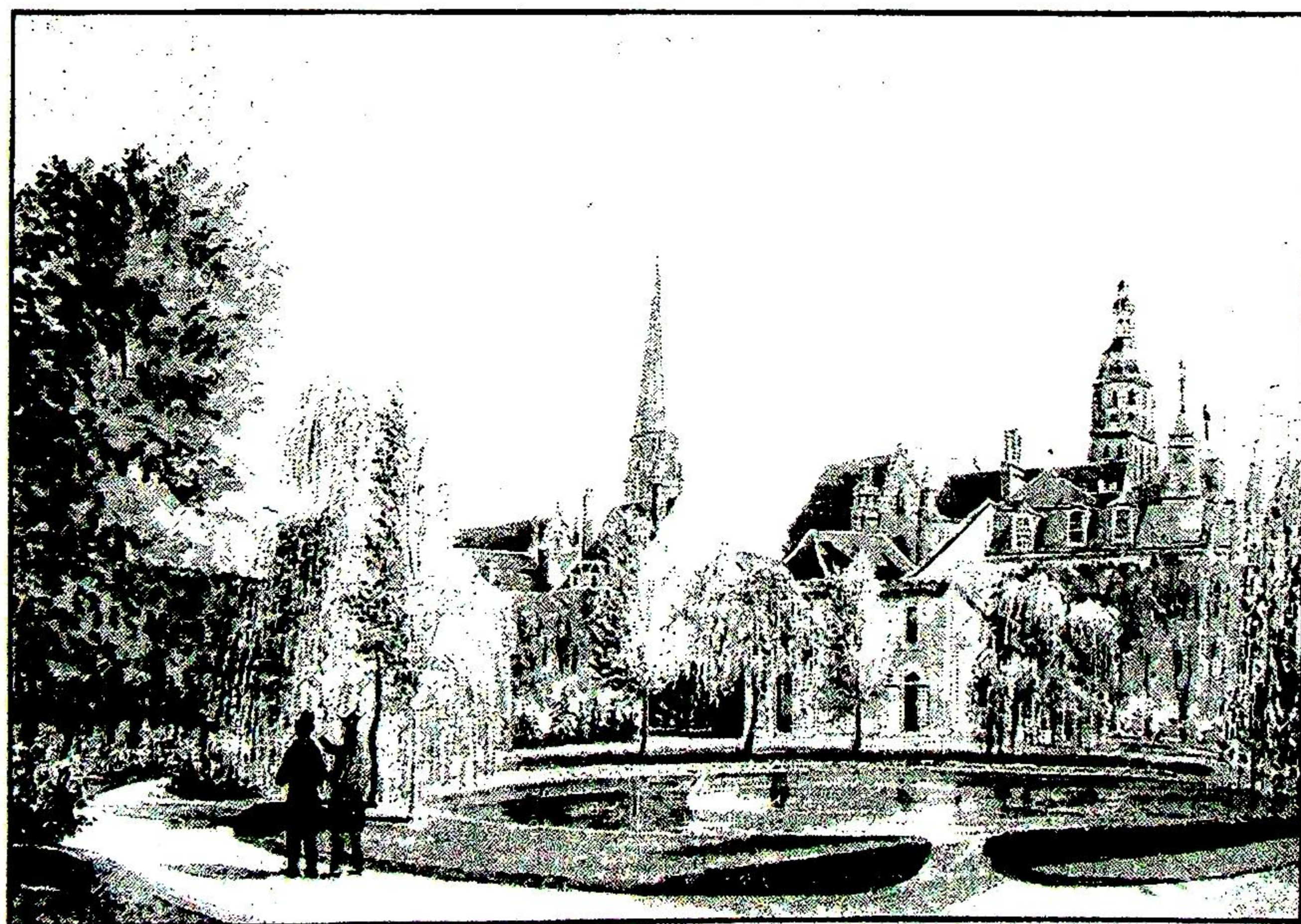
*Нужно исключить отсюда фрески и витражи, которые благодаря своим занятиям живописью Г-н Лонэ превосходно умел воспроизводить.

**В номере "Ле Монитор" тех лет читаем: "Высочайшим указом от 3 марта 1841 года, Г-н Арсен Жандрон, главный врач Вандомской лечебницы и член-корреспондент Медицинской Академии, сделан кавалером Ордена Почетного легиона".

Им опубликована интересная брошюра, озаглавленная: Историческая записка о капелле Сен-Жак, церкви и коллеже в Вандоме. - Вандом, 1847; брош. in-8° на 20 стр. Он умер в Вандоме 13 ноября 1854 года.

2. Ж. Лонэ. Дом эпохи Ренессанса в Монгуаре. Литография из книги «Спутник туриста по Вандомуа» (Вандом, 1883)

3. Ж. Лонэ. Вандомский коллеж. Сад в 1835 году. Акварель. Первый альбом иллюстраций к «Археологическому Указателю Вандомского округа», № 103 (Bibliothèque Municipale de Vendôme)

Г-на Лонэ внесено в список кандидатов на звание корреспондента**.

На следующий год (1841) Комитет отмечает присылку рисунков с фресков, столь примечательных, капеллы Сен-Жиль⁸. Он даже оказал ему честь, оставив их у себя, и следственно нас этих рисунков лишив. В самом деле, мы не обнаруживаем их в прекрасных альбомах с рисунками [памятников] Вандомуа, которые Г-н Лонэ завещал городской библиотеке**. В том же заседании отмечена присылка рисунка того пресловутого витража из Вилье, ныне в Вандомском музее, где усматривали изображение Робера д'Арбриселя, возлежащего между двумя монашенками. Комитет установил его подлинный смысл; речь идет об одной из легенд, повествующих о паломничестве к Святому Иакову [Кампостельскому]⁹.

Еще в 1833 году, опережая парижский Исторический комитет, ученый археолог из Нормандии, Г-н Арсис де Комон с целью вдохнуть жизнь в исследования на местах, дерзнул основать безо всякого официального покровительства *Французское Археологическое Общество ради сохранения и описания памятников* и учредил *Археологический Конгресс*, который [с тех пор] будет ежегодно заседать в одном из городов Франции, дабы пробудить здесь вкус к занятиям археологией***. Г-н Лонэ примкнул к этому Обществу и был принят в его члены в мае 1842 года. На вакациях того же года он присутствовал на конгрессе, который проходил [в тот раз] в Страсбурге. Мы вновь неоднократно обнаруживаем его участвующим в этих археологических торжествах; в Туре в 1847 году и т. д.

Год 1843-й - год знаменательный на археологическом поприще Г-на Лонэ. Сперва он получает от Г-на Вильмена, министра народного просвещения, письмо, полное поощрительных отзывов о его трудах, а также извещавшее его, что постановлением от 13 февраля 1843 года министр

*Г-н Лонэ, в самом деле, обладал всеми качествами, потребными для этого звания, судя по следующему пассажи, который я заимствую из "Бюллетеня Комитета", том I, стр. 15: "Комитет постановил, что наиболее вескими основаниями для назначения членом-корреспондентом и оказания реальных услуг, являются познания в археологии и одновременно владение рисунком, причем в особенности последнее. Рисунок, сколь дурным он ни был, в самом деле, более говорит о возрасте, стиле и важности памятника архитектуры, скульптуры и живописи, нежели целые страницы описаний.....". Если рисунок, сколь дурным он ни был, более ценится Комитетом, чем пространные описания, то можно себе представить, какое значение должен был он придать рисункам безукоризненной точности, которые направлял ему наш молодой художник.

Не забудем, что фотография, сегодня часто заменяющая рисунок, не была еще изобретена. Это искусство, соперник для художников, несмотря на несравненные услуги, которые оно оказывает археологам, не может, однако же, вполне заменить собой архитектурный чертеж в планах, разрезах и проч.

**Г-н де Рошамбо сообщает мне, что обнаружил в Художественном музее Орлеана прекрасные акварели с этих фресков, сделанные в ту же пору, что и акварели Г-на Лонэ. Он только что заказал с них копии и надеется их опубликовать в своей "Вандомской Эпиграфике"¹⁰. Похоже, стало быть, что у них есть шанс пережить оригиналы, которые неумолимо стирает время.

***Первая сессия состоялась в 1833 году в Кане. Известно, с каким успехом Г-н де Комон на протяжении 38 лет вел стайку своих соратников по главным городам Франции. Вандом благодаря своему Археологическому Обществу имел честь быть выбранным местом сбора в июне 1872 года; к несчастью, почтенный предводитель научного крестового похода был уже слишком болен, чтобы иметь в себе силы для участия в 39-й сессии. Он умер в Кане 15 апреля 1873 года.

назначил его членом-корреспондентом Комитета искусств и памятников при министерстве народного просвещения. Г-н Лонэ был очень рад этому назначению, и его признательность выразилась в его удвоенном рвении в археологических изысканиях.

В то же самое время, Г-н Ж. де Петиньи, ученый историк из Блуа, которого связывали с нашим округом семейные узы, взялся за написание "Археологической Истории Вандомуа". Он заручился содействием Г-на Лонэ в качестве рисовальщика памятников, историю которых он описывал. Вдвоем они начали в тот год обследовать различные коммуны Вандомуа, дабы собрать материал к этой большой работе.

Следующий год проходит за исполнением предназначенных для задуманного труда (*grand-oeuvre*) рисунков. Требовалось найти способ воспроизвести эти рисунки для печати. Г-н Лонэ, для которого новая работа была только новым удовольствием, вызывается собственноручно нарисовать их на литографском камне. Являлось единственное затруднение; он никогда не пробовал себя в этой технике. Зачем дело стало! Наш труженик отправляется на вакации 1844 года в Париж и осваивает ремесло литографа у прославленного Огюста Бри, на улице Бак. По рисункам в Истории Вандомуа видно, что ученик-литограф быстро сделался почти что мастером^{11*}. Но все же мягкий литографский карандаш плохо служил руке и точному глазу нашего художника, и рисунки в Истории Вандомуа остаются ниже оригиналов, которые, к счастью, сохранились и которыми должно любоваться в Вандомской библиотеке.

Чтобы сделать книгу, недостаточно ее написать, нужно еще ее опубликовать; в Вандоме нашелся-таки один отважный издатель, который соблаговолил взять на себя расходы, при условии, что ему обеспечат известное число подписчиков. Деятельность Г-на Лонэ и его многочисленные сношения, проистекавшие из его обязанностей учителя, вновь оказались драгоценны в этих обстоятельствах. В короткое время собрали желаемое число подписчиков; вандомцы метили в их число из местного патриотизма, и каждое семейство желало обладать сим прекрасным, сочиненным знатоком истории и иллюстрированным мастером рисунка, увражем, который воскрешал блеск и великолепие прошлого. Дошли до того, что пробудили воспоминания юности у командовавшего в 1791 году в Вандоме драгунским полком герцога Шартрского, ставшего королем Луи-Филиппом, и добыли от него подписку на 10 экземпляров. Экземпляры эти [впрочем] не могли быть переданы по назначению; увраж вышел лишь в 1849 году, задержанный как раз Февральской революцией 1848 года, опрокинувшей трон царственного подписчика.

Что до увража, то он удался, и его успех со временем только рос. Несмотря на второе издание, более удобного формата, с отсутствующей в первом аналитической таблицей, первоначальный увраж, с рисунками Г-на Лонэ, отсутствующими во втором издании, по-прежнему взыскуем любителями и удерживает высокую цену.

*К громадной экономии, доставленной таким образом изданию, добавлялась безукоризненная точность рисунков, которые избежали вмешательства чужой руки, чье умение не всегда гарантирует от ошибок.

Если я чуть дольше задержался на рождении и созревании этого прекрасного увража, являющегося своего рода семейной книгой Вандомуа, и который останется одной из главных заслуг Г-на Лонэ, то это потому, что я одновременно нахожу здесь словно бы первый росток Вандомского Археологического Общества. Нашему существованию, как то написано на нашем Бюллетене, официально идет 30-й год, но к этим тридцати годам нужно прибавить инкубационный период, достаточно схожий с тем, который предшествует появлению блистательных насекомых, и чью историю еще предстоит описать.

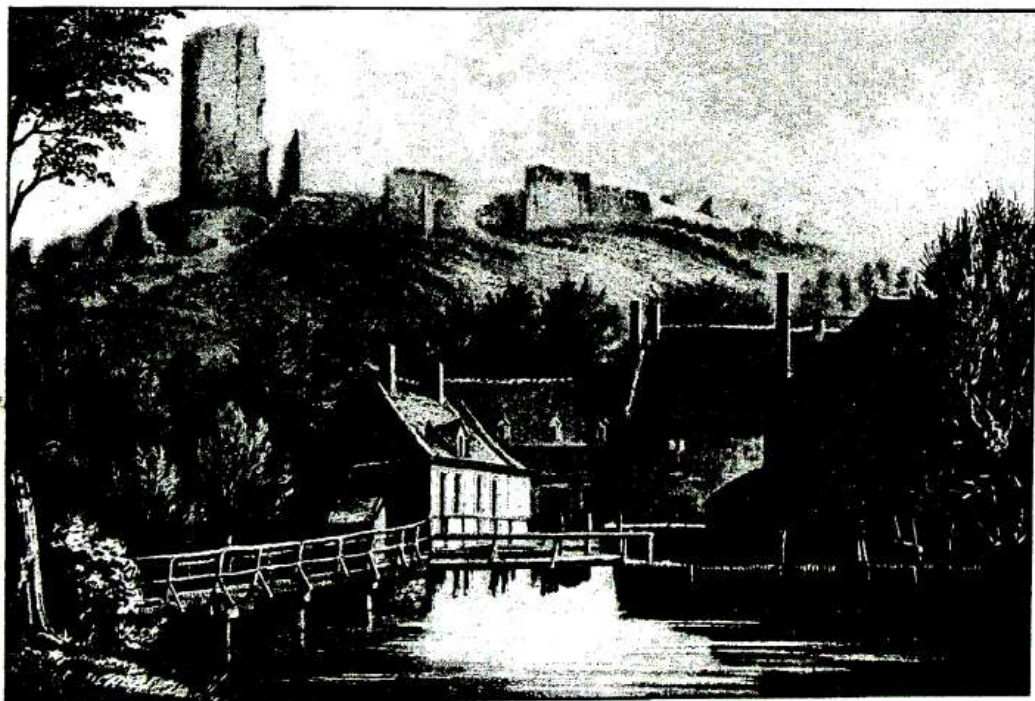
Де Пестиньи, Жандрон, Лонэ, в пору своих трудов над “Историей Вандомуа”, спросили себя, нельзя ли соединить, в единый пучок, благие изъяснения, выразившиеся в подписке на рассматриваемый увраж, и основать свое Археологическое Общество, по образцу стольких прочих. Я нахожу бесспорные следы этому в “Ле Луар”. В № от 14 апреля 1843 года читаем следующую заметку: “[До сих пор] недоставало в Вандоме места сбора для просвещенных любителей искусства, собственно говоря, для людей, чей патриотизм простирается и на те великие памятники, коими обладает их край. Имеем удовольствие сообщить, что благодаря прежде всего Г-ну Лонэ... маленькое Общество, либо Археологическое, либо Историческое, вот-вот будет у нас учреждено”. Эта болтливая заметка, не несущая печати авторства кого-либо из основателей, вышла чересчур рано. Маленькое Общество, которое должно было вот-вот родиться в 1843 году, увидело свет лишь в 1862-м! Как видно, от кубка до глотка часто бывает не близко. В самом деле, почва не была подготовлена, и семя упало посреди камней, где и усохло за неимением влаги; вандомцы не знали еще, что они имеют историю. Позднее, Революция 1848 года, вновь поставив все под сомнение, отбросила эти первые попытки весьма далеко. [Однако же] после бури, успокоенные умы искали себе пищи для деятельности. Благодаря предшествующим археологическим трудам и увражу, который подвел им итог, в Вандоме сформировалось ядро любителей и любопытствующих, темой бесед которых была археология. Вандомская библиотека обрела сведущего хранителя и неутомимого труженика в лице Г-на Буше (1850), посвятившего себя занятиям местной историей. Г-н Лонэ связывал все эти элементы благодаря собраниям, бывавшим всякий день в его мастерской.

Надобно знать, для последующего рассказа, что в 1845 году он приобрел покупкою большой старинный дом, расположенный в Новом городе*. Он разделил его на две части, из коих большая была сдана нотариусу, другую же он оставил себе. В амбарах была устроена им живописная и рисовальная мастерская, где он продолжал давать уроки; но, когда его рабочий день заканчивался, после четырех часов, друзья его по заведенному порядку стучались к нему в дверь, и шел обмен новостями; затем выходили

*Этот дом XVI века носил некогда имя Палат прево [округа] Мазанже (hotel de la Prevote de Mazange)¹², и его обитателем в XVII веке был Рене Огри, вандомский магистрат. [См. заметку об этом персонаже Г-на А. де Тремо в Бюллетене за 1889 год, стр. 178.] Его библиотека, которую он завещал Ораторианцам, составила начальное ядро нынешней библиотеки Вандома. Как видно, сей особняк был прямо-таки предназначен для того, чтобы стать колыбелью археологических штудий в Вандоме.

4. Ж. Лонэ. «Три пилигрима». Копия утраченного витража на сюжет чуда святого Иакова Кампостельского из капеллы Сен-Жак в Вандоме. *Перо, акварель.* Первый альбом, № 106 (Bibliothèque Municipale de Vendôme)

5. Ж. Лонэ. Вид на руины замка Фретваль на Луаре. Литография из книги барона Ж. де Петиньи «Археологическая История Вандомуа» (Вандом, 1849)

прогуляться в город, поскольку желудок нашего героя никогда не упускал своих прав. Маленькое Общество, о котором возвестил в 1843 году "Ле Луар", действительно существовало, само того не ведая, у Г-на Лонэ.

Будет верно сказать, что в течение сорока лет, ничего не происходило, ничто не совершалось в Вандоме, что не имело бы отзвука либо истока в этой скромной мастерской, откуда были изгнаны всякие намеки на роскошь и церемонную учтивость, но где зато царили доброе согласие и полезная беседа. Процесс инкубации нашего Общества неприметным образом совершился в этих собраниях в течение первых лет нового императорского правления. Одно обстоятельство, с виду случайное, было причиной того, что птенец наконец вылупился. *Omne vivum ex ovo* (всяк живой вышел из яйца) сказал знаменитый Гарвей¹³, и действительно, мы вышли из омлета! Вот, как это было*.

В понедельник 7 октября 1861 года, накануне возобновления занятий в лицее, Г-н Лонэ, как всегда жаждущий научных экскурсий, увлекает трех своих соратников в Фретваль. То были ГГ. Ш. Буше, Керуа и Ж. Шотар**. Отправляются из Вандома в 7 часов утра, в бричке, которой правит сам Г-н Лонэ, неохотно уступающий хлыст кому-либо другому. В 9 часов они у подножия руин Фретваля; распрягаются на постоялом дворе у моста, и [вот уже] наши археологи взбираются на холм, увенчанный столь живописными руинами старого донжона. Погода была великолепна, вид восхитителен; самозабвенно предаются отысканию трех поясов крепостной обороны, и только в полдень вопиющие желудки смогли взять верх над энтузиазмом наших археологов и вернуть их на постоялый двор. Заказывают традиционный омлет, который спроважен проворно, *без фраз*, и спрыснут простеньким местным вином, которое оживляет умы. Именно тут, в ожидании матлота¹⁴, Г-н Шотар, с его организаторским умом, отваживается бросить мысль основать в Вандоме Археологическое Общество. Но у вас ничего не выйдет, воскликнул на это Г-н Лонэ; мне ли не знать моего Вандома, я уже пытался сделать это множество раз, в течение двадцати лет, но все безуспешно! Неважно, возразил Г-н Шотар, соблаговолите позволить мне созвать нескольких друзей в четверг в вашей мастерской, и мы попробуем; если у нас ничего и не выйдет, нам, "по крайней мере, будет принадлежать честь предпринятой попытки". Другие сотрапезники поддерживают это предложение. Г-н Керуа, из осторожности, желает, чтобы довольствовались основанием в Вандоме Музея, дабы собрать в нем драгоценные осколки прошлого, гибнущие за отсутствием [для них] помещения. "Браво, мы назовемся *Обществом Битых горшков!* парирует другой; я пью за его успех". И обед завершился весело, среди шуток и острот. Так, без мук, у подножия руин Фретваля, *inter pocula*¹⁶, родилось [наше] Археологическое Общество.

*Я воспроизвожу почти текстуально рассказ, который изволил адресовать мне недавно Г-н Ж. Шотар, одно из главных действующих лиц этой маленькой археологической драмы.

**Г-н Керуа, дитя Вандома, большой любитель древностей, отличный офортист, был уже назначен в Мулен, где он служит хранителем Музея¹⁵.

Г-н Ж. Шотар, также дитя Вандома, где он был учителем, являлся тогда профессором физики Факультета естественных наук в Нанси.

С четверга 10 октября, у Г-на Лонэ нас было пятнадцать; вскоре стало уже пятьдесят; учреждено было подготовительное бюро, принят устав, и циркуляр [с оповещением], который взялся составить Г-н Шотар, появился в ноябре в "Лё Луар" и был направлен всем знатным лицам, связанным с Вандомуа. Наконец, в четверг 9 января 1862 года, в полдень, в большой зале городской ратуши состоялось первое общее заседание *Вандомского Археологического Общества*, под председательством Г-на Э. Рену¹⁷. Число приверженцев доходило уже до 81, из коих присутствовал 41.

Г-н Лонэ со своей обычной скромностью отказался от председательства в этом рожденном у него на дому Обществе и согласился на должность секретаря, менее на виду, но более хлопотную.

Перечитывая циркуляр с программой нашего Общества, можно видеть, что речь тогда шла лишь об основании Музея; в возможность редактирования Бюллетеня и научных трудов еще не отваживались верить. К действительной скромности подмешивалось немного ложного стыда; опасались насмешек публики. Ш.Шотар¹⁸, с его тонким умом, подтрунивал над этой ребяческой нерешительностью в своем очаровательном послании Археологическому Обществу, прочитанном им на 4-м заседании в октябре месяце 1862 года:

Известно ли Вам, господа, сколь потешаются над нами,
И то, что острые умы нас обзывают дураками?

.....
"Они-то, ученые!" - скажут. Ба! Пусть только будет их трое -
На черепице римской крестом я отмечу событие такое.

.....
Он продолжает [в том же духе], насмехаясь над насмешниками и внушая нам отвагу продолжать наше дело, не сильно заботясь о сатирах.

Развитие и успехи Археологического Общества стали с тех пор главной заботой Г-на Лонэ; это было словно его дитя. Последовательно являясь секретарем, президентом или рядовым членом Бюро, согласно требованиям устава*, он посещал каждое заседание с тревожным интересом и покидал его, сияя от радости, когда мог констатировать еще один успех. Он никогда не пропускал заседаний. В последние годы жизни, когда ходьба стала для него почти невозможна, локоть друга помогал ему добрести до его маленькой академии; его последний выход был [как раз] ради присутствия на одном из наших заседаний - заседании 11 июля 1889 года; тут он слушал слово о своем старом друге Нелзе¹⁹, которого он столь часто поощрял к исследованиям и о котором много скорбел**.

В недрах цивилизованных обществ, и в особенности в умственной сфере, часто возникают потоки идей, которые, подобно ветру в метеорологии, молниеносно пересекают огромные регионы. В определенный момент, весь

*Впервые избранный президентом в 1868 году, он имел честь в этом качестве председательствовать на торжественном открытии Музея в его нынешнем помещении, 19 ноября того же года. Второй раз он был президентом с 1882 по 1885 год.

**Г-н Лонэ много способствовал, собственными своими трудами и своими рисунками, успеху нашего Бюллетеня. Список помещенных им заметок был бы чересчур длинен, и я вынужден отослать читателя к указателю томов, с 1862 по 1887 год²¹.

мир мыслит одинаково; это называют веяниями мысли. Так вот, скромные археологи, мечтавшие у подножия старого донжона в Фретвале о том, как будет расти наше Общество, повиновались одному из этих веяний. Время было благоприятное; со всех сторон шло пробуждение умов, которые, будучи отторгнуты от политики столько же силой, сколь и отвращением, искали себе пищи. Императорское правительство почувствовало это движение умов и оказало ему поддержку. В 1861 году Г-н Рулан основал знаменитые съезды департаментских научных Обществ, которые, будучи вдохновляемы Г-ном Дюрюи²⁰, с 1863 по 1870 год переживали славные свои годы*. Г-н Лонэ уполномочен был нас на них представлять, и желающий найдет в наших Бюллетенях отчеты, которые он ежегодно делал у нас об этих интересных заседаниях.

Среди трудов, воодушевленных Историческим Комитетом, находились "Археологические Указатели Департаментов", некоторое число коих было опубликовано за правительственный счет. Г-н Лонэ взялся составить таковой для Луара и Шера; но, вовсе не думая довольствоваться тем, что бы извлечь из архивных бумаг список памятников каждой коммуны; он желал все описать *de visu* и сочинить историю только тех памятников, которые осязал своими руками, обмерял, зарисовывал**. Несмотря на свои шестьдесят, чувствуя себя лишь на пороге старости, он решительно принялся за дело. Он располагал уже многочисленными материалами по Вандомуа, но по научной добросовестности, желал все осмотреть заново и, возобновив привычки молодости, каждый четверг и каждое воскресенье либо иной неприсутственный день отправлялся на экскурсию. Я часто сопровождал его; со своей стороны, я взялся перед тем за "Флору Вандомского округа", и моей мечтой было побывать, подобно ему, во всех коммунах Вандомуа, дабы составить каталог их растений. Я стало быть видел его в деле и могу засвидетельствовать его научный пыл, который никакая непогода и никакое затруднение сдержать не могли.

На съезде Научных Обществ 1867 года он представил в виде пробы "Археологический Указатель кантона Морэ", с рисунками в тексте; целиком вышедший из-под его руки. Это маленький шедевр оформительского искусства***. Ободренный сим первым успехом, Г-н Лонэ закончил к конкурсу 1868 года редактирование "Археологического Указателя Вандомского округа", сопроводив его, в подтверждение данных им описаний, рисунками. Этот прекрасный труд снискал его автору серебряную

*Первый съезд состоялся 25 ноября 1861 года, под председательством Г-на Рулана, министра народного просвещения. Последующие проходили всегда на Святой неделе.

**Впрочем, он лишь преследовал в том мечту своей молодости; в самом деле, в "Бюллетене Исторического Комитета", сессия 1840 года, вслед за уведомлением о получении его первых сообщений я читаю: "Г-н Лонэ предлагает доставить описания и рисунки всех памятников департамента Луара и Шера". То была просто-напросто программа "Археологического Указателя", и он постоянно трудился над ней, сам того не ведая. Упорство было не из последних качеств этого положительного ума.

***Дабы не усмотрели дружеского преувеличения в моих похвалах, приведу здесь отрывок из отзыва на эту работу Г-на де Лагранжа [от 27 апреля 1867 года]... "К чему понадобилось автору дать [столь] развернутые описания? Не поверяются ли они тотчас и не предопределены ли планом и рисунком каждого памятника, воспроизводящими его с тонкостью и совершенно особой грацией". [См. Бюллетень Арх. Общ., год 1867-й, стр. 128].

6. Ж. Лонэ. Общий вид руин Вандомского замка с западной стороны. *Литография, тонированная бумага.* Первый альбом, № 70 (Bibliothèque Municipale de Vendôme)

7. Ж. Лонэ. Фасад церкви Сен-Мартен (в глубине – церковь Святой Троицы). *Карандаш, тоновая акварель.* 1850. Первый альбом, № 81 (Bibliothèque Municipale de Vendôme)

медаль, а Вандомскому Археологическому Обществу, от имени коего он был представлен. бронзовую*.

Указатель округа Блуа был представлен им на конкурс 1870 года. Он с лихорадочным жаром трудился над указателем округа Роморантена во время вакаций 1869 года и в 1870 году должен был [уже] “увенчать здание”, как все обрушила роковая война, повлекшая за собой ужасный год. Съезды научных Обществ были прерваны, публикация Археологических Указателей приостановлена, и Г-н Лонэ, всецело разделяя скорбь своего Отечества, молча убрал свою работу в картоны.

*Pendent opera interrupta*²².

Между тем, его заветный труд не должен был полностью остаться неизданным. Уже восьмидесятилетним стариком он занялся разбором всех своих рисунков, что за шестьдесят лет осели в его картонах. Из тех, которые относились к Вандому и Вандомуа, он составил два больших альбома, образующих самый великолепный Археологический Указатель, о каком только можно мечтать. Он передал их в Библиотеку Вандома еще при жизни (24 октября 1890 года), но пояснительный текст отсутствовал; именно тогда Г-н П. Лемерсье, вандомский типограф, его ученик и друг, убедил его доверить ему рукопись, премированную в 1868 году в Сорбонне, и напечатал ее под заглавием: “Археологический Указатель Вандомского округа”, составленный под эгидой Вандомского Археологического, Естественнонаучного и Литературного Общества, Г-ном Ж. Лонэ. Вандом, 1889, in-8 **.

Отметим трогательное и деликатное почтение, оказанное нашему Обществу его главным основателем в этом посвящении. Между тем, Указатель этот, составленный под эгидой Вандомского Общества, принадлежит всецело ему одному; но он хотел [тем самым] сказать, что без основания дорогого ему Общества, теплота общения внутри которого подогревала его научный пыл, он никогда бы не предпринял и не довел подобный труд до благополучного конца.

Благодаря Г-ну Лонэ Вандомуа располагает таким образом своим Археологическим Указателем, текстом и таблицами иллюстраций, исключительным по качеству исполнения. Его автор, которому было тогда 85 лет, также мог возгласить свое:

*Exegi monumentum aere perennius....
Non omnis moriar!* (Гораций)***.

В вознаграждение за свои археологические труды он был последовательно удостоен знака отличия Академии (январь 1858 года) и знака отличия Народного просвещения (декабрь 1869 года). Нет никакого сомнения, что, если

*На том же съезде (1868), Г-н Лонэ прочел Записку о дольменах, менгирах и гладилах Вандомуа. Эта Записка была помещена в “Обзрении научных Обществ” за 1868 год, сопровождаемая тремя прекрасными гравюрами, правдиво воспроизводящими рисунки, которыми ее сопровождал автор. (См. Бюллетень Арх. Общ., год 1868-й, стр. 136).

**Г-н Лонэ собственноручно роздал некоторое число экземпляров своего увража, который не был пущен в продажу. Археологическое Общество располагает оставшейся частью тиража²³.

***Вандомская библиотека, коей он оставил все свои бумаги и рисунки, могущие представлять интерес для Луара и Шера, располагает текстовым и иллюстративным материалом для “Археологического Указателя” округа Блуа (полный комплект) и округа Роморантена (за исключением нескольких коммун).

бы не ужасный год, прервавший его труды и унесший с собой тех, кто их поощрял, он получил бы и крест Почетного легиона, которого он был вполне достоин.

Я особенно подробно распространился о научной жизни Г-на Лонэ, поскольку эта сторона его бытия представляет специальный интерес для членов нашего Общества; но мы бы составили себе весьма неполное представление о его трудовой жизни, если бы свели ее к одной только этой отрасли. На протяжении пятидесяти лет Г-н Лонэ занимался всем, что могло быть полезно или приятно городу Вандому, и единственный упрек, который могла бы сделать ему зависть, это то, что он был незаменим.

Мы уже сообщали о курсе рисунка и прикладной математики, который он вел для рабочих с 1829 по 1852 год. В 1849 году он активно занялся организацией *Общества взаимопомощи* рабочих и, верный своей привычке оставлять почести другим, дело же брать в свои руки, взял на себя хлопотные и деликатные обязанности инспектора, которые сохранял за собой долгое время*.

Никто не сделал больше, чем он, для материального и нравственного улучшения [положения] рабочего класса, и никто ему меньше не льстил. Строгого, но справедливого, его высоко ценили рабочие, на которых он имел большое влияние. Он употребил этот престиж, к великой пользе для города Вандома, после Февральской революции 1848 года. Вот, что я нахожу об этом в его заметках: "Вскоре встает вопрос об основании клуба. Несколько рабочих, уже десять лет посещавших мои занятия, приходят ко мне с предложением быть его Президентом. Несмотря на вполне четкое мое заявление, что я не республиканец ни со вчерашнего дня, ни даже с завтрашнего, они настаивают, говоря, что питают ко мне доверие, и я в конце концов соглашаюсь, чтобы, чего доброго, не сделан был ими прискорбный выбор. Факт тот, что я смог поддерживать среди них порядок, без каких-либо досадных инцидентов, в собрании из 1200 человек. Можно было бы написать целую историю этого клуба, действовавшего более двух месяцев". Г-н Лонэ оставил нам прелюбопытное досье касательно этого клуба, благодаря которому всю эту историю можно будет восстановить, тогда когда с исчезновением всех ее свидетелей она будет забыта. Мы обнаружим в ней первые крики рождения всеобщего избирательного права в нашей стране.

В течение многих лет Г-н Лонэ был членом вандомского Благотворительного Бюро** и длительное время исполнял в нем деликатные и хлопотные обязанности распорядителя. Организация и розыгрыш лотереи были одним из его маленьких ежегодных торжеств.

Известность и уважение, коими он пользовался, принесли ему в июле 1855 года кресло в Муниципальном совете. Здесь он был докладчиком по [весьма] важным вопросам, среди прочего, по вопросу о строительстве хлебного рынка на месте старой церкви Сен-Мартен, которую его, археолога, демарши, увы, не смогли спасти от разрушения²⁴.

В августе 1870 года, в то время как уже слышался вдали гул

*Точное название этой ассоциации: *Вандомское Общество Взаимопомощи* для обеспечения жалованья больным и увечным рабочим. В заглавии устава читаем: "Данное Общество, созданное от имени бывших воспитанников Вандомского коллежа, вступивших в него на банкете 10 апреля 1849 года, официально учреждено 5 августа того же года".

**7 ноября 1853 года он был назначен членом административной комиссии Благотворительного Бюро.

надвигающегося на Францию из Германии урагана, он был вновь избран советником. Обсуждать предстояло теперь не местоположение рынка, но вопросы жизни и смерти города. Невозможно переоценить то хладнокровие и здравый смысл, которые он проявил в этот мрачный период анархии и бедствий. Неотлучно на боевом посту в мэрии, он был большой опорой городу Вандому. Единственный, он умел со спокойствием отвечать на неумеренные требования германцев. В моменты натиска, видя своих коллег уstraшенными немецкими угрозами, он употреблял одно сильнодействующее средство, о котором [впоследствии] мне часто рассказывал; зная, из какого города Германии был не в меру наглый офицер, он говорил ему, самым спокойным тоном: “Мсье, вы ведь (скажем условно) из Дрездена? Прекрасный город; я посетил его в (таком-то году)...” и с точностью описывал ему главные тамошние памятники. Эффект был безотказный; офицер, при воспоминании об оставленном отечестве, которое мы всегда носим с собой, смягчался и с интересом пускался в разговор о своем родном городе с этим почтенным и доброжелательным французом; следствием сего общения был компромисс и облегчение по части реквизиций. Тем самым сделал он немало добра и, в своей обычной манере, без шума.

За несколько лет до того он взял привычку записывать вкратце, на листке бумаги, то, что случилось интересного за день, подобно тому, как иные записывают, какая была погода. Он продолжил в течение всего этого периода, столь верно характеризуемого именем *ужасный год*, заполнять свою ежедневную карточку. Его коллеги в мэрии беспрестанно дивились, видя его, посреди прохода то своих, то неприятельских войск и требований реквизиций, с карандашом в руке заполняющим листки своего дневника и требующим справок у тех самых людей, которые требовали у него почти что “кошелек или жизнь”. Тем, кто знал Горация, приходило на память *impravidum ferient ruinae* поэта. (Руины оставляют его безучастным)*.

Чтобы покончить [таким образом] с его муниципальными обязанностями, прибавлю, что он продолжал ревностно исполнять их до января 1878 года, когда он отказался быть внесенным в списки [кандидатов] на перевыборах. Привилегированное положение, какое он занимал в списке советников, избранных в 1871 году, явилось причиной того, что в июле 1873 года, в связи с вынужденной отставкой администрации, он был призван к исполнению обязанностей мэра; он принял дела, но отклонил честь официального назначения мэром города**, и 5 апреля 1874 года сложил с себя полномочия перед своим преемником.

Картина трудовой жизни, которую я набросал, должна показаться вам весьма суровой и малопривлекательной в качестве примера для подражания юношеству; но мы бы знали нашего героя весьма недостаточно, если бы я не прибавил, что в его живой натуре труд не исключал удовольствие. Никто не бывал более весел, более полон задора, более любвеобилен и любезен в обществе; поэтому его так стремились заполучить и зазывали со всех сторон,

*Г-н Лонэ позволил мне передать на хранение в городскую библиотеку пакет этих карточек, содержащий в себе ужасный год. Потомок найдет здесь материал к этой мрачной главе истории города Вандома.

**Декрет о его назначении появился в “Журналь офисьель” 7 февраля 1874 года, он не принял его.

особенно во времена его молодости; но сами его развлечения были интеллигентными и дельными, и он ни за что бы не согласился умножить число тех, кто беспрестанно тешит свою раззолоченную праздность на светских собраниях.

Среди увлечений его молодости нужно отметить страсть к театральным представлениям. Почти лишенный через свое жительство в Вандоме возможности посещать настоящие спектакли, он сам организовывал их в Монтуаре и Вандоме. В Коллеже он создал настоящий театр с машинами и декорациями, и все школьные торжества включали исполненные учениками драматические экзерсисы. Благодаря его увлеченности *Общественный театр* переживал в Вандоме и окрестных замках прекрасную свою пору. Я обнаруживаю в его стариковских заметках следы этих подвигов молодости. Имена [Господ] де Ля Порт из замка Меле, Орфиля из Пуарье*, де Камбис и де Тремо из Сура (Эр и Луар) вызывали в нем далекие и веселые воспоминания. Я еще видел его, по приезду моем в Вандом, в конце 1856 года, играющим на сцене вместе со своими друзьями, в Супрефектуре Вандома²⁵. Когда он должен был отказаться от участия в этих представлениях в качестве актера, он продолжал их организовывать и готовить [для них] учеников в качестве директора. Все эти радостные воспоминания угасают с наступлением ужасного года.

Ни один официальный праздник не обходился без его участия; праздники эти были, впрочем, редки; напомним, однако, о знаменитом пребывании в Вандоме, с инспекцией полка, с 30 ноября по 9 декабря 1841 года Герцога Немурского²⁶. В номере "Ле Луар" того времени читаем: "... Городом будет дан ему бал, в субботу 4 декабря, в театральной зале; назначена комиссия... Под началом Г-на городского архитектора исполнены будут [строительные] работы, а Г-ну Лонэ поручено украшение залы".

Другим развлечением, более грандиозным и более назидательным, были путешествия. Он посвящал им свои вакации в течение большого числа лет. Готовился к путешествиям и отчитывался о каждом из них, сопровождая свой отчет воспоминаниями и забавными историями, которые он был мастер рассказывать, и зарисовками всех интересных памятников. Он объездил таким образом Францию и немалую часть Европы**. Память на места, в которых он побывал, была у него изумительная; дело в том, что он умел путешествовать и наблюдать, и его рука, запечатлевая в альбомах селения и памятники, запечатлевала их одновременно и у него в сознании; поэтому до самого преклонного возраста невозможно было произнести в его присутствии имя города или района Альп, чтобы он не воскликнул: "Еще бы мне не знать его! все это есть у меня в картонах"²⁷.

Объездив Европу, затем Францию, он, как мы видели, принялся объезжать департамент Луара и Шера, [продолжая делать это] вплоть до

*Как раз во время вечеринки в Пуарье, у Г-на Орфиля, рассказывал он мне, раздалась весть о Июльской революции 1830 года.

**Я смог установить, по его заметкам, следующий перечень его основных поездок: 1838 год, в Швейцарию со своим другом Ш.Шотаром; 1841 год, Бретань с Г-ном Ш.Бюсоном; 1842 год, Бельгия, Голландия и берега Рейна [один]; 1843 год, Италия с Поленом Ферраном из Мондубло; 1849 год, Лондон; 1852 год, путешествия по Франции; 1853 год, Швейцария, Тироль, Бавария, Германия; 1856 год, юг Франции, Пиренеи и т. д.; 1859 год, Германия, Берлин, Дрезден и т. д.

1871 года; он кончил наконец путешествиями по своей комнате, занятый разбором своих рисунков.

Давно перевалив к своим семидесяти годам за обычный возраст ухода в отставку, Г-н Лонэ начал помпшплять о покое. Сперва, в 1873 году, он выхлопотал себе в лицее замену по курсу рисунка и, наконец, в июле 1876 года подал в отставку*; пятьдесят лет имя его фигурировало в наградных списках Вандомского Коллежа и Лицея.

В январе 1878 года он отказался баллотироваться на муниципальных выборах, желая уступить место более молодым. Мы видим, как в том же месяце (18 января 1878 года) он слагает с себя полномочия члена Благотворительного Бюро, а равно и инспектора Общества Взаимопомощи. Он не мыслит, чтобы кто-то мог занимать посты просто ради почета и в ущерб обязанностям как таковым.

С этого времени он вступил в финальную пору своей жизни, пору заката; как те старые и прекрасные здания, изучение которых было страстью его жизни, он мало помалу ветшал, сохраняя [однако] тот шарм и ту поэзию древности, что оставляют долю воображению. Г-н Лонэ в особенности ослаб на ноги; ходьба стала ему трудна, стан его сгорбился; но его голова, его память, его веселость, его доброжелательность оставались те же, и, стоило ему сесть за свой скромный рабочий стол, на простой стул, как он ничем не выдавал своего возраста, кроме неправдоподобных дат воспоминаний молодости, которыми он любил поделиться в беседе. Его память на лица была столь же удивительная, как и память на места, которые он посетил. Он помнил всех своих старинных товарищей и учеников, и было почти невозможно назвать при нем имя какого-нибудь вандомца, чтобы не последовало, вызывавшее у друзей улыбку, привычное восклицание: "еще бы я не знал его!" - и он описывал того несколькими штрихами.

До самых последних своих лет он сохранил несравненную остроту зрения и твердость руки, позволявшие ему перебеливать пером черновые наброски, которые он находил у себя в картонах. Мы не переставали восхищаться этими архитектурными рисунками, вышедшими из-под руки восьмидесятилетнего старца, под которыми мог бы поставить свою подпись самый искусный гравер.

Его друзья, вместо семьи, которую он пренебрег создать, окружали его старость, столько же из удовольствия, сколь и из долга. Знаменитые предвечерние собрания продолжались до самой его смерти. Он должен был, однако, покинуть прославленную мастерскую на третьем этаже, где протекли все его зрелые годы, и обосноваться внизу. Не выходя более из дома, он не имел иного удовольствия, кроме как принимать у себя друзей и беседовать с ними о былом, не забывая и текущие мелочи. Говорили об Археологическом Обществе, и все, что открывалось любопытного в крае, находило у него тут отклик. Будучи более не в состоянии как прежде отправиться на место находок, он побуждал молодых его заменять, и зарисовывал принесенные ему предметы из раскопок. Впрочем, в 1887 году он еще имел удовольствие описать *de visu* открытие меровингских погребений на площади Сен-

*Его заместителем и преемником стал Г-н Э. Ренуар, видный художник, чей талант живописца превосходит его звание преподавателя лицея.

Мартен ь Вандоме. Можно сказать, что, из признательности, археология сама постучалась к нему в двери²⁸. То была последняя работа, которую он поместил в нашем Бюллетене*.

Особенно зимой и в дурную погоду, в привычный час, круг верных друзей собирался перед его камином в полном составе; в самом деле, каждый, опасаясь, что почтенный старейшина останется в одиночестве, вменял себе в обязанность не пропускать рандеву, что заставило одного из них однажды под проливной дождь остроумно заметить: “Мой президент, тут уж никак не скажешь вместе с Овидием:

*Tempora si fuerint nebula, solus eris***

Но если погода станет хмурой, ты останешься в одиночестве.”

5 апреля 1890 года мозговое кровоизлияние дало ему предвестие близкого конца; он принял его со спокойствием праведника, могущего взирать на свое долгое поприще без угрызений совести и сожалений. Лафонтен заканчивает свою басню “Умиравший и Смерть” такими стихами:

А Смерть была права; желал бы я, чтобы в таких-то летах
Из жизни уходили, словно с пира,
Хозяина благодаря, ...²⁹

Это пожелание баснописца - своего рода критика противоположного поведения почти всех стариков; но Г-н Лонэ его полностью исполнил. Нам было трогательно слышать от него в последние месяцы жизни, говорящего нам, лежа в своей постели, которую мы благоговейно окружали, что он не жалеет ни о чем, кроме друзей, и что он достаточно пожил, поскольку не может больше работать.

Он угас, безболезненно и без страданий, побежденный Временем, 27 февраля 1891 года, в возрасте 86-лет и 3 месяцев^{31***}.

Э. НУЭЛЬ.

*Сообщение об археологическом открытии, сделанном в Вандоме в июне 1887 года, Г-на Ж. Лонэ. Бюллетень, год 1887-й, стр. 228.

**Полный отрывок хорошо известен: *Donec eris felix, multos numerabis amicos,
Tempora si fuerint nebula, solus eris.*

Почему бы не привести, в этом задушевном разговоре, имя “автора” цитаты, остроумного собрата, умевшего оживить разговор колким и неожиданным высказыванием, Г-на Филиппа Мартельера, бывшего поверенного. Это он, заимствовав ходовой в Адвокатуре термин, окрестил кружок *Лонэевой говорильней*. Его внезапная смерть, 10 мая 1890 года, причинила истинную скорбь его старому другу³⁰.

***Желающий найдет в брошюре, опубликованной заботами семьи несколько недель спустя после его смерти, рассказ о его похоронах вместе с речами, которые были на них произнесены.

¹ Эта бронзовая статуя Пьера де Ронсара (1524-1586), классика французской поэзии и, как он сам любил себя называть, “вандомского дворянина”, разрушена оккупантами в 1942 году; в настоящее время вынашивается проект ее восстановления.

² Барон Антуан Жан Гро (1771-1835) - лучший ученик Ж.-Л. Давида, сам оставивший множество учеников, автор “Бонапарта на Аркольском мосту” (1795) и других прославленных полотен. В период итальянского похода, находясь на военной службе, состоял членом комиссии, отбирившей произведения искусства из итальянских коллекций для Лувра. Последние годы (окончившиеся его самоубийством) Гро был занят выполнением монументальных заказов (роспись купола Пантеона, один из плафонов в Лувре). Клод-Мари

Дюбюф (1790-1864) - другой ученик Давида, автор исторических полотен; особым успехом пользовались его светские портреты.

¹ Ле Мон-Дор - крупный курорт в одноименном горном массиве, в узкой долине верховьев реки Дордони (департамент Пюи де Дом), на высоте 1050 м над уровнем моря. Известные уже римлянам, горячие воды Мон-Дора используются при лечении астмы у детей и взрослых, эмфиземы легких, хронических бронхитов, трахеитов и ларингитов.

⁴ Традиционное поэтическое именование Турени и в целом среднего течения Луары, где - в ближайшем соседстве города Тура - расположены, окруженные громадными парками-садами, знаменитые замки французских королей и их приближенных.

Пьер Бретонно (1778-1862) - профессор медицины и главный врач больницы в Туре, которая ныне носит его имя. Бретонно один из пионеров в изучении инфекционных заболеваний, им, в частности, впервые выделена и описана дифтерия. Воспитал множество учеников.

⁵ Картина (inv. 1538), как и упомянутый выше гипсовый медальон (inv. Ф 383), по-прежнему на своих местах.

⁶ Знаменитый историк Франсуа-Пьер-Гильом Гизо (1787-1874), филолог и историк Абель-Франсуа Вильмен (1792-1870) и философ и историк Виктор Кузен (1792-1867) - парижские профессора, вожди либеральной оппозиции эпохи Реставрации, в правительственных кабинетах периода июльской монархии занимавшие пост министра народного просвещения.

⁷ Вандомский коллеж основан был в эпоху Контрреформации герцогом Цезарем Вандомским, внебрачным сыном Генриха IV, отдавшим его под опеку отцов Ораторианцев. Датой основания считается 1623 год, хотя строительство первоначальных корпусов растянулось до 1639 года. С 1807 по 1811 год учеником коллежа, остававшегося закрытым учебным заведением, где по-прежнему царили самые строгие порядки, был Оноре де Бальзак. Бывшие отцы-ораторианцы (упоминаемые Э. Нузлем Марешаль-отец и Дессэнь), по словам Андре Моруа, "воспитывали учеников в духе почтения к императору - в противном случае их заведение закрыли бы; однако они противились проникновению воинского духа, господствовавшего во всех лицах страны в годы Империи". В 1848 году коллеж был обращен в лицей, оставшийся в родных стенах вплоть до переезда в новое здание в 1974 году. С 1930 года он носит имя Пьера де Ронсара.

⁸ О замечательных романских фресках бывшего приората Сен-Жиль в Монтуаре, в судьбе которых Ж. Лонэ сыграл столь важную роль, см., в частности: Demus O., Hirmer M. *Romanesque mural painting*. London, 1970. P. 18, 52, 74, 104, 119, 134, 426, pl. 165-166 and p. 55, fig. 18.

⁹ Так называемая легенда о неказенном повешенном. Витраж представлял начальный эпизод легенды: лежащие в постели, в действительности, пилигримы - отец, мать и сын. В современном издании (*Dessins et Aquarelles de Gervais Launay (1804-1891). Premier album. Vendome, Ville et Canton*. Blois, 2004. P. 85-86, n 106) происхождение этого (?), ныне утраченного, витража XVI века связывается с капеллой Сен-Жак в Вандоме, принадлежавшей, кстати, Вандомскому коллежу и лицу. Блаженный Робер д'Абрисель (1047-1117) - известный подвижник и признанный богослов, основатель будущего королевского аббатства Фонтевро близ Сомюра и нескольких других обителей.

¹⁰ Речь идет о хранившихся до 1940 года в Музее изящных искусств в Орлеане пятнадцать акварелей художника, литографа и археолога Жана-Батиста-Жозефа Жорана (1788-1850), исполненных в 1841 году. Прорисовки с этих копий, в самом деле, появились в издании маркиза де Рошамбо: Rochambeau, Achille de. *Le Vendomois, epigraphie et iconographie*. T. II. Paris, 1894. P. 22-32.

Маркиз Эжен Ашиль Лакруа де Вимлр де Рошамбо (1836-1897) - десятый президент Вандомского Археологического Общества; помимо названного труда его перу принадлежит "Галерея знаменитых мужей Вандома" и некоторые другие работы.

¹¹ Помимо вошедших в издание Ж. Лонэ напечатал у Огюста Бри еще целый ряд листов, в частности, опубликованный ныне весьма характерный для эпохи лист из серии "Вандомские типы".

¹² Мазанже - старинное селение и местность в окрестностях Вандома. В 1213 году граф Вандомский Иоанн III "заключил соглашение с Шартрской церковью на предмет ее прав на бург и земли Мазанже, принадлежавшие сей церкви. Эта территория в составе Вандома была своего рода государством в государстве, управляемым от имени Шартрского капитула каноником, имевшим титул прево. По соглашению 1213 года граф Иоанн уступил этому должностному лицу все права суда, даже по убийству, краже, поединку и похищению, - делам, обыкновенно сохраняемым за сюзереном. Он признал сверх того, что не может ничего требовать с жителей сверх установленного оброка, который они до тех пор платили

сообща. Те же жители должны были, когда от них того требовали, наряду с вассалами графа нести охрану Вандомского замка; но, по части военной службы, им лишь надлежало следовать за графом, когда, идя на войну, тот лично пересекал территорию Мазанже, причем их нельзя было понудить идти [с ним] на расстояние большее одного дня пути. В вознаграждение уступок Иоанна III, каноники обязывались служить обедни в его и отца его годовщины. <...> В Мазанже имелся укрепленный замок, от которого осталось несколько руин на холме, к северу от церкви; до XV века этот бург носил звание города, и в нем существовал судебный двор, где заседал судья, судивший от имени прево. Эта независимая сеньория, центр которой ныне всего лишь скромная деревушка, была в числе четырех внешних *prevotes* Шартрского капитула” (Petigny, Jules de, *Histoire archeologique du Vendomois*, Vendome, 1849 (reedition: Bruxelles, 1977). P. 304-305).

Разрешение на перенос резиденции и судопроизводства в Вандом было получено одним из прево, жаловавшимся на ветхость построек в Мазанже. В XVII веке особняк был продан частным лицам, однако еще и в следующем веке те вынуждены были терпеть у себя ежемесячные заседания бальи (судьи) округа Мазанже (Saint-Venant, Raule de, *Dictionnaire topographique, historique, biographique, genealogique et heraldique du Vendomois et de l'arrondissement de Vendome*. Blois, 1912-1917 (reedition: 1969). Vol. IV. P. 168).

¹³ Уильям Гарвей (1578-1657) - знаменитый английский врач, основатель современной физиологии, автор первого систематического и законченного труда по эмбриологии “*Excitations de generatione animalum*” (1651).

¹⁴ Матлот (la matelotte) - рыбное рагу под винным (красного вина) соусом (букв. по-флотски).

¹⁵ Луи Арман Керуа (1830-1893). См. письмо к нему В. Гюго (Собрание сочинений в 15 томах. Т.15. С. 392-396): находящийся в изгнании писатель благодарит художника за присылку ему серии офортов “Улицы и дома старого Блуа”.

¹⁶ За чашей [вина] (лат.). См. Вергилий, “Георгики”, II, 380 сл.

¹⁷ Эмилиан Рену (1815-1902) - политехник, горный инженер, метеоролог, директор метеорологической обсерватории Парк де Сен-Мор под Парижем и вандомский домовладелец; стал первым президентом Вандомского Археологического Общества (1862 и 1865 годы).

¹⁸ Жак-Шарль Шотар (1814-1884) - кузен вышеупомянутого Жюля Шотара, седьмой президент Археологического Общества (1870-1871), автор полного стихотворного перевода Горация, песен, баллад и пьес в стихах, мэр Вандома (1872). Завещал свое имущество местной больнице. Одна из улиц города носит его имя.

¹⁹ Станислас Нелз (1819-1889) - как его характеризовал современник, ученый и аристократ Рауль Барре де Сен-Венан, “на удивление оригинальная фигура безграмотного, но ученого землепашца, [...] более тщательное литературное образование сделало бы из него замечательного археолога”; при публикации своих сочинений Нелз, как правило, прибегал к помощи своих более образованных коллег. Родился и умер в деревне Любидэ под Вандомом.

²⁰ Густав Рулан (1806-1878) - французский политический деятель, депутат нижней палаты парламента (1846-1848), сенатор (1859). Возглавляя министерство народного просвещения и по делам культов (1856-1863) занимался организацией профессионального образования и проводил антиклерикальную политику. С 1864 года был управляющим Французского Банка. Виктор Дюрюи (1811-1894) - историк и политический деятель. Будучи лично знаком Наполеону III, которому он помогал в его работе над “Жизнью Цезаря”, сменил Г. Рулана на посту министра народного просвещения в июне 1863 года.

²¹ Указанный список насчитывает 26 публикаций; еще 15 появились в других изданиях (*Dessins et Aquarelles de Gervais Launay (1804-1891)*... P. 14-15).

²² “Начатые работы приостановлены” (лат.). Знаменитая строчка из “Энеиды” Вергилия (IV, 88):

*pendent oper(a) interrupta minaeque
Muror(um) ingentes...*
...незавершенными остаются
работы и огромные зубцы стен...

Это сказано о Дидоне, которая из-за любви к Энею забросила строительство стен будущего Карфагена.

²³ Издание это представляет ныне большую библиографическую редкость, весьма немногие библиотеки Франции обладают им.

²⁴ Прекрасный памятник пронизанной веяниями Ренессанса поздней французской готики, бывшая главная приходская церковь Вандома Сен-Мартен была снесена 1857 году,

после более чем шестидесятилетнего пребывания в ее стенах зернового рынка и ряда городских служб. Поводом к сносу послужило обрушение одного из сводов трансепта тремя годами ранее. Уцелела лишь колокольня, на которой в конце 1940-х годов, по инициативе патриота Вандома г-на Поля Дюжардена, восстановлен карильон.

²⁵ Супрефектура - резиденция супрефекта. Во главе французских департаментов стоят префекты, в подчинении которых находятся супрефекты, первые лица исполнительной власти округов.

²⁶ Луи-Шарль-Филипп-Рафаэль Орлеанский, герцог Немурский (1814-1896) - второй сын короля Луи-Филиппа. В феврале 1831 года бельгийский национальный конгресс избрал его на королевский трон, но отец, связанный договоренностями с другими державами, отверг это избрание, опасаясь военного столкновения с Англией. Отличился в Алжире (1836-1842). С 1848 по 1871 год находился в добровольном изгнании в Англии. Во время франко-прусской войны был восстановлен в армии в чине дивизионного генерала, однако впоследствии был исключен из нее и, по антимонархическому закону 1886 года, должен был вновь покинуть Францию, после чего жил преимущественно в Бельгии.

²⁷ К сожалению, судьба этой, связанной с путешествиями, части наследия Ж. Лонэ не известна.

²⁸ Площадь Сен-Мартен, многократно расширившаяся после сноса одноименной церкви, расположена буквально в 100 м ходьбы от ворот принадлежавшего Ж. Лонэ дома на улице Бург-Неф, 3 и 5. Эта часть Вандома (Bourg Neuf, т. е. Новый город), исторически связанная с находящимся здесь же бывшим кардинальским аббатством Святой Троицы, к счастью, менее всего пострадала во время варварских бомбардировок города в июне 1940 года.

²⁹ Смерть права: во сто лет отсрочки поздно ждать;
 Да как бы в старости страшиться умирать?
 Дожив до поздних дней, мне кажется, из мира
 Так должно выходить, как гость отходит с пира,
 Отдав за хлеб и соль хозяину поклон.
 Пути не миновать, к чему ж послужит стон?

(перевод И.И. Дмитриева)

³⁰ "После Г-на Лонэ, *говорильня*, - сообщает младший современник, - его пережила и переселялась поочередно то к одному, то к другому, пока новые утраты не нанесли ей последний удар" (Vassort J. Raoul Barre de Saint-Venant et l'érudition vendomoise au tournant des XIXe et XXe siècles // *Bulletin de la Societe Archeologique du Vendomois*. 2004. P. 83).

³¹ В оригинале ошибочно "5 месяцев".

Гордін О.

Портрет людини на фоні історії

На підставі мемуарів та спостережень колег висвітлено сторінки біографії одного із засновників Вандомського археологічного товариства Жерве Лоне.

Gordin A.

Portrait of man against the background of the history

Based on the memoirs and observations of colleagues highlights the pages of the biography of one of the founders of the Archaeological Society Vendome Gervais Launay.